

DOI: 10.22455/2949-5865-2024-2-280-298

Славяне и тюрки Южного Приуралья: опыт взаимодействия в условиях этнополитического фронта XVIII – начала XXI в.

Ирек Р. Атнагулов

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН,

Екатеринбург, Россия

i.atnagulov@mail.ru

ORCID 0000-0002-7453-0720

Аннотация. В представленной вниманию читателя статье описан механизм взаимодействия славян и тюрков в Южном Приуралье в XVIII – начале XXI в. Присоединение Среднего Поволжья и Южного Приуралья сопровождалось решением двух задач – обеспечением государственной безопасности в новом приграничном регионе и формированием лояльного режима отношения среди местного неславянского населения. Это достигалось через принудительную христианизацию, сословно-классовое строительство, образование новых административно-территориальных субъектов с сеткой населённых пунктов и увеличение русского этнического компонента. В результате этих действий в XVIII – начале XIX в. появилось множество новых идентичностей – кряшены, восточные марийцы, закамские удмурты, казаки в разных этнических вариациях – русские, башкиры, меццераки, тептяри, нагайбаки, а в середине XIX в. – переходившие на оседлость, так называемые «прилинейные киргизы»¹. Политика социально-культурной унификации, в отдельных случаях сегрегации населения, привела не к упрощению, а усложнению этнического состава. Славяно-тюркская модель контактов рассматривается на материале населения Юго-Восточного Приуралья, где представителями славян и тюрков были русские и казахи. Третьим этническим компонентом были нагайбаки, которые по социальной принадлежности, языку и культуре занимали промежуточное положение. Во второй части статьи представлены данные о результатах взаимодействий этих трёх групп, полученных на основе современных полевых исследований. За всё время совместного проживания они выработали хозяйственно-культурные комплексы, адаптированные к местным природным условиям. Контакты между земледельцами и скотоводами постоянно сопровождались заимствованиями. Представляют интерес трансформационные процессы также в системах питания, символах этнической культуры и исторической памяти. Показана современная картина рейтингов идентичностей по каждому из трёх народов.

¹ Казахи

Ключевые слова: этническая история, славяне, тюрки, финноугры, этнические контакты, новые идентичности, Южное Приуралье, фронтир, экономика, культура, самосознание

Для цитирования: Атнагулов И.Р. Славяне и тюрки Южного Приуралья: опыт взаимодействия в условиях этнополитического фронта XVIII – начала XXI в. // Евразийский ежегодник. 2024. № 2. С.277-295. DOI: 10.22455/2949-5865-2024-2-280-298

Slavs and Turks of the Southern Urals: experience of interaction in the conditions of the ethno political frontier of the XVIII – early XXI century

Irek R. Atnagulov

Institute of history and archeology of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

i.atnagulov@mail.ru

ORCID 0000-0002-7453-0720

Abstract. *The article presented to the reader describes the mechanism of interaction between Slavs and Turks in the Southern Urals in the XVIII – early XXI centuries. The annexation of the Middle Volga region and the Southern Urals was accompanied by the solution of two tasks – ensuring state security in the new border region and the formation of an attitude loyal to the regime among the local non-Slavic population. This was achieved through forced Christianization, social stratum construction, the formation of new administrative-territorial entities with a grid of settlements and an increase in the Russian ethnic component. As a result of these actions, in the XVIII – early XIX centuries, many new identities appeared – the Kryashens, Eastern Mari, Transkama Udmurts, Cossacks in several ethnic variations – Russians, Bashkirs, Mescheryaks, Teptyars, Nagaybaks, and in the middle of the XIX century, the so-called “linear Kirghizes²” who moved to settlement. The policy of socio-cultural unification and, in some cases, segregation of the population has led not to simplification, but to complication of the ethnic composition. The Slavic-Turkic model of contacts is considered based on the material of the population of the Southeastern Urals, where the representatives of the Slavs and Turks were Russians and Kazakhs. The third ethnic component was the Nagaybaks, who occupied an intermediate position in terms of social affiliation, language and culture. The second part of the article presents data on the results of the interactions of these three groups, obtained on the basis of modern field research. Over the entire period of living together, they have developed economic and cultural complexes adapted to local natural conditions. Contacts between farmers and pastoralists were constantly accompanied by borrowings. Transformation processes also in food systems, symbols of ethnic culture and historical memory are of interest. The modern picture of the ratings of identities for each of the three nations is shown.*

² Kazakhs

Keywords: *ethnic history, Slavs, Turks, Finnish-Ugrians, ethnic contacts, new identities, Southern Urals, frontier, economy, culture, self-awareness*

For citation: *Atnagulov, I.R. (2024), "Slavs and Turks of the Southern Urals: experience of interaction in the conditions of the ethno political frontier of the XVIII–earlyXXI century", Eurasian Yearbook, no.2, pp.277-295. DOI: 10.22455/2949-5865-2024-2-280-298*

За последние примерно тысячу лет этнической истории внутренней Евразии контакты и взаимоотношения между славянами и тюрками являлись во многом ключевыми, определяющими основные векторы исторического процесса, что отразилось на политической, этнической, экономической и конфессионально-культурной картине континента. Вследствие масштабной колонизации просторов Северной Евразии государство трансформировалось из европейской периферии в евразийскую империю [Зубков, Побережников 2024, с. 236]. Как и любое другое подобное политическое образование, Российская империя по этническому составу была сложной и состояла из народов и групп, часто очень далёких друг от друга, совершенно не родственных по языку, культуре, физической антропологии и прочим параметрам. Во всей этой этнической мозаике сложился многовековой опыт взаимоотношений между народами славянской, финноугорской и тюркской групп. Взаимодействия между ними в исторической ретроспективе уходят в эпоху древности и очерчиваются ареалами контактных зон между их предками – народами индоевропейской, уральской и алтайской семей.

По данным переписей населения, проведённых в нашей стране с 1897 по 2020 гг., абсолютное большинство населения по этническому составу представляет композицию из трёх основных групп, в наибольшей степени ассоциированных с историей становления государственности и современного российского гражданского общества – славянской, тюркской и финноугорской. Несмотря на то, что площадь современной России намного меньше СССР и Российской империи, пропорциональное соотношение этих групп народов остаётся примерно одинаковым (табл. 7). Современное российское гражданское общество формируется из народов разных языковых семей и групп, вошедших в её состав в разное время. Восточные славяне вместе с финно-угорскими и тюркскими народами Северо-Запада, Поволжья, Приуралья и Западной Сибири составляют её этническое ядро, сложившееся в результате длительных взаимодействий, начавшихся в эпоху древнерусского государства и продолжающихся до настоящего времени. Кульминация славяно-тюркских взаимодействий пришлась на период, начавшийся со второй половины XVI в., а события второй трети XVIII – начала XXI в. явили результаты этих процессов.

Доли основных групп народов России
по некоторым переписям населения (%).

Группы народов	1897 ³	1926 ⁴	2020 ⁵
Славянская	73,3	82,3	72,5
Тюркская	10,7	10,5	7,6
Финноугорская	2,8	3,2	1,1
Прочие	13,2	4,0	18,8 ⁶

Мы рассмотрим только те контакты, которые происходили между восточными славянами и северо-западными тюрками – потомками населения Улуса Джучи. Географические границы определяются целью статьи, состоящей в определении роли славяно-тюркских контактов в строительстве современной российской гражданской идентичности, а также задачей, заключающейся в описании механизма этих взаимодействий на примере эпизода этнических процессов Южного Приуралья XVIII – начала XXI вв.

Линия рассматриваемых нами славяно-тюркских контактов в широтном направлении простирается от Северного Причерноморья до Южной Сибири, в меридиональном – включает южную полосу лесных (преимущественно ши-роколиственных и смешанных), лесостепных и степных ландшафтов. При-родно-климатическое разнообразие определило особенности традиционных хозяйственно-культурных комплексов народов, населяющих эти земли. К началу II тыс. практически на всей отмеченной территории населению были известны развитые типы производящих видов хозяйств. Экономическим водо-разделом была граница между оседло-земледельческими и кочевническо-ско-товодческими типами. Она же разделяла славян и тюрков.

Среди земледельческих и скотоводческих хозяйств, в зависимости от воздействия на них локальных природных и других факторов, выделялось множество подтипов. Кочевники-скотоводы и оседлые земледельцы находились в постоянном взаимодействии друг с другом. Механика данного процесса заключалась в постоянной миграции групп того и другого населения, иногда сопровождавшейся сменой привычных экологических условий. Результатом этого было заимствование и усвоение новых хозяйственно-культурных особенностей. У некоторых бывших кочевников-скотоводов это был переход на оседлое земледелие (тюрки Среднего Поволжья). У земледельцев, пере-

³ Рассчитано по: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=0

⁴ Рассчитано по: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php

⁵ Рассчитано по: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami

⁶ В том числе 11,3 %, не указавших свою национальную принадлежность

селившихся из относительно увлажнённой лесной зоны в аридные лесостепные и степные условия – увеличение доли животноводческого сектора с усвоением элементов полукочевого скотоводства (тюркское и славянское, в основном казачье, население степной полосы). Это определило динамичный характер хозяйственных укладов и внутри каждого из типов порождало множество новых подтипов.

Если славяне представляли восточную ветвь славянской группы с общей биогенетической и культурно-языковой основой, то тюркские народы степной и лесостепной части Евразии относились к северо-западной (кипчакской) подгруппе тюркской группы. В отличие от восточных славян их происхождение отличается большей гетерогенностью, но языки восходят к общему языку-предку – кипчакскому (половецкому), который был широко распространён среди населения Улуса Джучи. В настоящее время их близость сопоставима со степенью родства языков восточнославянских народов. Это свидетельствует о том, что формирование восточнославянских и тюркских народов Поволжья и Приуралья происходило примерно синхронно и обе группы представляют этнолингвистические целостности.

Ещё одной важной маркирующей, отмечающей существенные различия между славянами и тюрками региона, является конфессиональная принадлежность. Религиозную картину региона, начиная с IX–X вв., определяли две конкурирующие между собой мировые религии – христианство и ислам. Среди восточных славян, как известно, распространилось православие, а среди подавляющего большинства тюрков – суннитский ислам ханафитского масхаба. Наиболее крупными группами тюрков-христиан являются исповедующие православие чуваша, кряшены и нагайбаки. Влияние иных религий среди восточных славян и северо-западных тюрков незначительно. Прочие этнографические отличия между славянами и тюрками, связанные с традиционно-бытовой культурой, системой жизнеобеспечения, включая комплексы поселений и построек, традиционной одежды, систем питания и т.п., безусловно, имеют отличия как на уровне этническом, так и среди множеств локальных подразделений внутри этнических групп.

Для выполнения поставленной задачи рассмотрим условия взаимодействий между славянами и тюрками на конкретном примере. Находясь длительное время в процессе тесных контактов, существования как антагонистического, так и взаимообусловленного, обе группы создали такую модель сосуществования, которая дала импульс рождению одного из крупнейших этнополитических феноменов Евразии – современного российского социума. Рабочим материалом для изучения вопроса является исторический эпизод этнических процессов в Южном Приуралье со второй трети XVIII до первых двух десятилетий XXI в. В физико-географическом отношении данный регион, кроме собственно южной части уральской горной страны, включает обширные территории к западу – Уфимское, и востоку – Зауральское плато, которые в нашей статье будут обозначаться как Западное и Восточное Приуралье соответственно. Естественной границей между ними являются водораздельные хребты Южного Урала. Тер-

риториальные рамки, исходя из поставленной задачи, ограничены для периода до 1920 гг. юго-восточными и восточными уездами Оренбургской губернии, 1920-1934 гг. южными округами Уральской области, а с 1930 гг. до настоящего времени – Челябинской областью.

После присоединения постзолотоордынских государств этнический состав Русского царства заметно изменился в сторону усиления тюркского компонента. События в Поволжье и Приуралье второй половины XVI в. дали начало новой эпохе славяно-тюркских взаимоотношений. Восточные славяне, продвигаясь через Заволжье к Южному Приуралью, постепенно заселяли и осваивали новые земли, с преимущественно тюркским населением. Вместе со славянами в миграционные процессы были вовлечены тюрки и финноугры Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья – переселявшиеся на башкирские земли чуваша, татары, марийцы, мордва и удмурты. По этой причине менялась конфигурация расселения народов. В местах сплошного расселения башкир появились анклавы и территории со смешанным этническим составом. Население Южного Приуралья почти до конца XVIII в. по этническому составу было преимущественно славяно-тюркским с примерно равными долями каждой из групп. Например, во вновь созданной в XVIII в. Оренбургской губернии по данным II–V Ревизий этнический состав выглядел следующим образом (табл. 8).

Таблица 8

Славяне и тюрки Южного Приуралья в XVIII в.
по данным II–V Ревизий (тыс. чел.)⁷

Народы / Ревизии	II	III	IV	V
Всего населения	322,9	449,9	588,1	808,5
Русские	113,5	195,2	219,1	329,5
Украинцы	1,3	1,8	1,8	2,8
Татары	31,7	65,0	82,7	116,7
Башкиры	106,2	125,8	138,9	167,8
Чуваши	7,5	35,8	44,1	41,9

Доли славян и тюрков в процентном соотношении составляли соответственно: по Первой ревизии 15,0 к 76,1, Второй – 35,4 к 45,1, Третьей – 43,4 к 50,5, Четвёртой – 37,3 к 45,5, Пятой – 41,3 к 40,6. К концу XVIII столетия, таким образом, соотношение славян и тюрков в Южном Приуралье было примерно равным. Несмотря на увеличение доли славян, этнический состав

⁷ Составлено по: Кабузан 1999, с. 84-85, 227.

Оренбургской губернии на рубеже XVIII–XIX вв. продолжал входить в число регионов империи с высокой долей инородческого населения.

Одними из важнейших задач правительства были интеграция неславянских народов в российский социум и обеспечение безопасности на вновь приобретённых территориях, объятых восстаниями и являвшихся, к тому же, ещё и приграничными. В Южном Приуралье неславянское население в основном состояло из народов тюркской группы – чувашей, татар и башкир, а со второй трети XIX в. и переходивших на оседлость групп казахов Младшего и Среднего жузов. Действия властей по административно-территориальному, военному, экономическому и культурно-религиозному строительству в регионе, безусловно, были нацелены на формирование социальной структуры и даже стремление максимально нивелировать этнокультурные различия между славянами и «инородцами». В процессе достижения этих целей наиболее значимыми акциями были принудительная христианизация и перевод части ясачного населения в военное сословие (казачество).

Результатом этих действий стало рождение новых идентичностей. По этноязыковой принадлежности они были тюркскими, славянскими и финно-угорскими. Другими маркирующими были конфессиональная и сословная принадлежности. Следствием христианизации стало появление этноконфессиональной группы крещёных татар (кряшен и возникших на их основе этносословной группы татар-казаков – нагайбаков) [История 2019, с. 189, 235]. Как результат принудительной христианизации сложились особые этнографические группы чувашей, бежавших от этой акции и сохранивших родовые культы или перешедшие в мусульманство [Ягафова 2007, с. 101]. По такой же причине сформировались, не подвергшиеся христианизации и сохранившие приверженность родовым культам, этнографические группы восточных мари-йцев и закамских удмуртов [Садиков 2016, с. 14-20]. Крупным результатом социального строительства в Южном Приуралье стало образование новых казачьих войск – Оренбургского и Башкиро-Мещеряцкого. В состав первого, кроме русских, входили подразделения, состоящие из татар, нагайбаков или калмыков. Второе состояло из башкир, мещеряков и тептярей. Население, входившее в состав этих казачьих подразделений, выработало комплексы оригинальных этнокультурных в сочетании с этносословными черт.

Кряшены, нагайбаки, мещеряки, тептяри и бобыли в XVIII в. [Кабузан 1990, с. 107-108] – это тюркоязычные, но сложные по генезису новые идентичности, возникшие в результате действий государственного аппарата по социальному устройству новых территорий. Также среди тюркоязычного населения отмечается в документах второй трети XIX в.⁸ часть казахов, не согласившихся с решением войскового начальства об отселении кочевников вглубь тургайской степи, но пожелавших находиться постоянно на территории Оренбургской губернии. Более того, они добровольно переходили на оседлость, чему способствовали их тесные контакты с русскими и нагайбаками, а также действия властей, поощрявших это стремление. Эту часть

⁸ РГИА. Ф. 853. Оп. 2. Д. 65. Л.л. 90-100 об.

казахов, которых русская администрация называла «прилинейными киргизами»⁹, мы также относим к числу новых тюркоязычных идентичностей. Их потомки – современные казахи Южного Урала. Прежнее их обозначение сейчас не используется. В настоящее время они являются гражданами России с выраженной политической идентичностью, которая, по данным, полученным в результате проведённых в Челябинской области исследований, конкурирует с такими видами идентичностей, как этническая и конфессиональная (табл. 11). Безусловно, оригинальной идентичностью, с присущим комплексом культурно-бытовых черт и особым самосознанием являлись русские казаки Оренбургского войска.

На фоне славян и тюрков обособленное положение занимали казаки – крещёные калмыки. Войсковое начальство, заботясь об укреплении их в православии и успешном переходе на оседло-земледельческое хозяйство, селило их в одних селениях вместе с казаками русскими и нагайбаками [Правила 1843, с. 34-39]. Однако положительного результата это не дало. В 1924 г. калмыкам Верхнеуральского и Орского уездов было разрешено переселиться на Нижнюю Волгу во вновь образованную Калмыцкую автономную область [Джунджузов, Любичанковский 2019, с. 132-133]. Если политика по сближению казаков-калмыков с русскими намеченных результатов не достигла, то в среде тюркского (татарского и башкирского) населения на фоне социального, хозяйственного, культурно-религиозного сближения с русскими, наоборот, наблюдаются результаты в виде возникновения новых идентичностей. Вопреки поставленной цели по культурному сближению и максимальной унификации, результатом этих действий стало не упрощение, а усложнение этнического состава населения.

Современная этническая картина региона в основном сложилась к концу XIX в., а на протяжении XX – первых двух десятилетий XXI вв. соотношение славян и тюрков в Юго-Восточном Приуралье принципиально не менялось (табл. 9).

Таблица 9.

Доли народов трёх основных групп в Южном Приуралье
по данным некоторых переписей населения конца
XIX – первых двух десятилетий XXI в. (%)

Годы переписей	1897 ¹⁰	1926 ¹¹	1939 ¹²	1979	1989	2010	2020
Славянская	77,0	84,0	90,6	85,3	84,9	83,2	74,2

⁹ РГИА. Ф. 853. Оп. 2. Д. 65. Л. 93 об.

¹⁰ Здесь и далее в 1897 г. приведены данные по Верхнеуральскому, Златоустовскому, Троицкому и Челябинскому уездам Оренбургской губернии.

¹¹ Здесь и далее в 1926 г. приведены данные по Златоустовскому, Троицкому и Челябинскому округам Уральской области и Аргаяшскому кантону БАССР.

¹² Здесь и далее с 1939 по 2020 гг. приведены данные по Челябинской области.

Окончание таблицы 9

Годы переписей	1897 ¹⁰	1926 ¹¹	1939 ¹²	1979	1989	2010	2020
Тюркская	22,0	13,0	8,0	12,2	12,2	11,7	8,7
Финноугорская	0,7	0,4	0,8	1,0	1,0	0,5	0,2
Прочие и не указавшие	0,3	2,6	0,6	1,5	1,9	4,6	16,9

Динамика этнической картины Юго-Восточного Приуралья среди народов славянской и тюркской групп представлена в следующем порядке (табл. 10).

Таблица 10

Славяне и тюрки Юго-Восточного Приуралья по данным некоторых переписей населения конца XIX – первых двух десятилетий XXI в. (чел.)¹³

Годы переписей	1897	1926	1939	1959	1979	1989	2010	2020
Всего населения	1023046	1151088	2801853	2976625	3430929	3617752	3476217	3431224
Русские	784526	956190	2443641	2372164	2782402	2929507	2829899	2526414
Украинцы	2663	27088	82846	134335	111910	109615	50081	17154
Белорусы	382	2289	8806	31276	29357	29068	13035	4542
Прочие славяне ¹⁴	936	1601	2961	5439	4181	3814	2149	811
Башкиры	160851	58535	70358	88480	133682	161169	162513	128071
Татары	68450	46574	119528	190227	219743	224605	180913	120242

¹³ Подсчитано и составлено по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XXVIII. Оренбургская губерния. / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб: Издание центрального статистического комитета министерства внутренних дел. Тип. «Т-ва Художественной Печати», 1904. 173 с.; Плешков А.М. Список населённых пунктов Уральской области. Т. II. Златоустовский округ / А.М. Плешков, М.П. Антонов, И.Н. Гридин и др. Свердловск: Издание Орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и Окружных Исполкомов, 1928. 50 с.; Он же. Список населённых пунктов Уральской области. Т. XIII. Троицкий округ / А.М. Плешков, М.П. Антонов, И.Н. Гридин и др. Свердловск: Издание Орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и Окружных Исполкомов, 1928. 86 с.; Он же. Список населённых пунктов Уральской области. Т. XV. Челябинский округ / А.М. Плешков, М.П. Антонов, И.Н. Гридин и др. Свердловск: Издание Орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и Окружных исполкомов, 1928. 88 с.; Список населённых пунктов Башкирской Республики. Уфа: Издание Башкирской Республики, 1926 г. С. 1-7; Национальный состав населения по итогам Всероссийской переписи населения 2020 года. Данные, предоставленные автору Челябинскстатом [Электронный ресурс]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census_types.php?ct=6 (дата обращения 15 мая 2024)

¹⁴ Болгары, поляки, сербы, словаки, словенцы, хорваты, черногорцы и чехи.

Годы переписей	1897	1926	1939	1959	1979	1989	2010	2020
Казахи	3649	7096	28731	22813	28224	33230	35297	29057
Нагайбаки	8709 ¹⁵	11158	-	-	-	-	7679	5343
Мишари	7562	26493	-	-	-	-	50	59
Тептяри	19255	49	-	-	-	-	-	-
Чуваши	120	118	3280	10865	12252	12659	6819	2644
Прочие тюрки ¹⁶	37	19	521	3592	4790	9679	16448	15314

Нагайбаки, мишари и тептяри в переписях 1897 и 1926 гг. ещё учитывались как отдельные народы. Их дальнейшая судьба складывалась по-разному. Большая часть потомков мишарей и тептярей сейчас называют себя татарами. В Республике Башкортостан часть тептярей в течение XX в. усвоила башкирскую этническую идентичность [Якупов 2001, с. 254]. Однако память об этнической принадлежности в прошлом у многих из них сохранилась. В материалах последних двух переписей видно, что небольшая часть населения Челябинской области предпочла записать себя мишарями. Принципиально иначе сложилась в XX в. история нагайбаков. С 1939 по 1989 гг. они учитывались вместе с татарами. Однако по данным, полученным из похозяйственных книг этого периода, видно, что большая часть записанного в них населения сохраняла нагайбакскую идентичность [Атнагулов 2018, с. 387]. Политические события конца 1980 – начала 1990 гг. благоприятствовали лидерам нагайбакской общественности, добивавшимся восстановления исторически справедливого названия народа и права записывать его в соответствующей графе паспорта советского образца и других документах. Поэтому в материалах Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2020 гг. они уже зафиксированы как отдельный народ.

Нагайбакам удалось сохранить не только собственную этническую идентичность, но и численность населения. Демографический спад, отмеченный в 2010 и 2020 гг., связан с подобными процессами в общегосударственном масштабе, особенно оттоком сельского населения в города, часто за пределы Челябинской области. Для небольшого по численности народа переезд в другой регион нередко сопровождается ассимиляцией. За небольшое по историческим меркам время нагайбаки в культурно-бытовом отношении успели сблизиться с русскими. Общая конфессиональная принадлежность и антропонимия, отсутствие каких-либо заметных физико-антропологических различий, стандартизированный быт, всё это в условиях растущей урбанизации

¹⁵ По языковому признаку учитывались в составе татар.

¹⁶ Азербайджанцы, алтайцы, балкарцы, гагаузы, караимы, каракалпаки, карачаевцы, киргизы, крымские татары, крымчаки, кумыки, ногайцы, тувинцы, турки, туркмены, узбеки, уйгуры, хакасы, якуты и др.

в жизненных стратегиях и повседневных практиках этнический фактор свело до минимума. Изучив итоги переписи населения 2020 г. по Челябинской области, мы обнаружили ещё одну причину «демографического спада» у некоторых народов. В отдельных сельских населённых пунктах Челябинской области большинство жителей, по данным, предоставленным Челябинскстатом, заявило о нежелании отвечать на вопрос о национальной принадлежности или сообщило об отсутствии таковой. Примерно в это же время мы проводили анонимное анкетирование населения тех же районов на предмет рейтингов их идентичностей. Люди охотно, без каких-либо опасений, называли себя «по национальности», проявляли активность, транслируя признаки собственной этничности и разных видов идентичностей – конфессиональной, гражданской и прочих. Считаем, что большое число не ответивших или ответивших отрицательно на вопрос о национальной принадлежности при проведении переписи является результатом некачественной работы переписчиков. Возможно, что по такой же причине получен столь высокий показатель в данной номинации и в итоговых материалах с общероссийскими результатами (табл. 7).

Южноуральская модель славяно-тюркского фронта сложилась как русско-казахская контактная зона, в которых ключевая роль, как отмечалось выше, принадлежит нагайбакам. В течение нескольких полевых сезонов были проведены исследования по комплексам идентичностей среди народов славянской и тюркской групп. В фокусе внимания данной статьи находятся три народа – русские, нагайбаки и казахи. Русские в виде казаков Оренбургского войска в этом регионе появляются со второй трети XVIII в., а с 1840 гг. становятся доминирующей группой. Казахи накануне русской колонизации уже являлись здесь автохтонами. Граница с башкирскими владениями проходила по реке Яик. Русские и казахи, таким образом, в зауральской степи представляли две основные контактные группы. Нагайбаки оказались в промежуточном положении. По языку они тюрки и по этому параметру были близки к казахам. По принадлежности к православному христианству и Оренбургскому казачьему войску они сближались с русскими. Во второй половине XIX в. между этими тремя народами установились тесные взаимоотношения. Если до первых двух-трёх десятилетий XX в. все три народа были расселены в моноэтнических посёлках, то в настоящее время большинство их живёт в населённых пунктах со смешанным этническим составом.

В процессе полевых исследований наше внимание было обращено на такие виды идентичностей, как этническая, конфессиональная, языковая, региональная и гражданская. Целью являлось выявление доминирующих идентичностей. Основные задачи состояли в определении степени воздействия их параметрических характеристик на степень актуализации идентичностей. Предлагаем результаты, наиболее рельефно отображающие некоторые характеристики предмета исследования. Респондентам было предложено составить личный рейтинг из нескольких вариантов самоидентификаций. Обобщённые результаты по трём группам представлены ниже (табл. 11).

Рейтинги идентичностей среди русских, казахов и нагайбаков

	Этническая	Конфессиональная	Локальная	Региональная	Макрорегиональная	Гражданская	Социальная
Русские	3	6	5	7	2	1	4
Казахи	3	1	6	4	5	2	7
Нагайбаки	2	4	5	7	3	1	6

Видно, что лидирующие позиции у большинства занимает гражданская идентичность. Только у казахов её опережает конфессиональная. У нагайбаков не опережает, но конкурирует с ней этническая, а у русских на втором месте – макрорегиональная (уральцы). Этническая и религиозная принадлежности часто являются важными компонентами самосознания человека. С их учётом определяются некоторые жизненные стратегии, например, выбор партнёра для создания семьи. Определение параметров оснований доминирующих идентичностей производилось при помощи диагностики некоторых из основных этномаркирующих.

По нашим наблюдениям в народном представлении важнейшим этномаркирующим признаком является родной язык. Если для русских родной язык является единственным и безальтернативным, то большинство нагайбаков и казахов двуязычны (нагайбакский и русский, казахский и русский). Сфера функционирования нагайбакского и казахского языков ограничена семейно-родственным кругом. При общении между казахами и нагайбаками допустимо использование смешанной лексики. Оба тюркских языка одинаково понятны представителям двух групп. Молодёжь, по нашим наблюдениям, использует в общении русский язык. Абсолютное большинство, владея русским иногда даже лучше, чем нагайбакским или казахским, родным его не считают.

Несколько вопросов были рассчитаны на получение данных по ряду «символов культуры». Из триады материализованной культуры мы выбрали две, обозначив их в анкетах как «национальная одежда» и «национальная кухня». Смена традиционных комплексов одежды домашнего производства на фабричную в начале XX в. было явлением революционного масштаба. С этим событием, а также развитием вслед за этим музейного дела, связано возникновение такого вида краеведческой работы, как сохранение и реконструкция комплексов национальной одежды. В настоящее время их можно встретить не только в музеях в виде аутентичных образцов начала XX в., но и в виде так называемых «новоделов», предназначенных для сце-

нических нарядов участников фольклорных ансамблей, а также в домашних коллекциях. Пережив некоторые модификации, эти костюмы переместились из сферы практической в символическую. Благодаря деятельности работников культуры, большинство населения имеет представление об особенностях национальной одежды своего и других народов, положительно оценивает её художественные качества.

Традиционные системы питания, подвергнутые столь же масштабному воздействию со стороны промышленного производства, в сельской среде, всё же сохранили определённые архаичные черты. Это объясняется тем, что система жизнеобеспечения в таких условиях продолжает базироваться, в том числе, и на экономике частного приусадебного хозяйства. У казахов и нагайбаков часть обрядово-ритуальных практик связана с большим, нередко массовым, забоем крупного и мелкого скота или домашней птицы. Всеми респондентами было обнаружено знание кулинарных традиций своих народов. В повседневных практиках к изготовлению традиционных блюд, по мнению респондентов, обращаются нечасто. На вопрос: «что вы готовите дома обычно?», нередко отвечают: «то же, что и в других семьях». Чаще всего это так называемые первые блюда – супы русской и нагайбакской кухонь (борщ, щи и лапша), вторые блюда – белково-углеводные с использованием различных видов мяса и местных овощей (картофель, капуста и т.п.), крупяных (греча, рис и т.д.) или мучных изделий, салаты, домашние соленья. Этнические отличия наблюдаются в традиционной выпечке, а также предпочтении видов мясного сырья и способах его обработки. Казахи предпочитают конину и баранину, нагайбаки – баранину, говядину и свинину, русские – свинину и говядину. Традиционные способы обработки мяса у нагайбаков и казахов прочно сохраняются в ритуальной кухне.

Согласно кочевым традициям, единственным способом термической обработки мяса является отваривание. На повседневном и праздничном столе у этих народов присутствует мясо, обработанное другими способами (жарка, запекание и копчение). Это результат русских и иных внешних влияний. Во всех семьях, независимо от этнической принадлежности, употребляют в пищу готовые продукты или полуфабрикаты промышленного производства. Многие пользуются услугами предприятий общественного питания. По наблюдениям и результатам опросов видно, что в русской кухне отдается предпочтение сложносоставным блюдам, основой которых является сочетание сырья животного (мясо, птица, рыба) и растительного (зернобобовые и овощные культуры) происхождения. В нагайбакской системе питания значительный сегмент занимает зерновое (зерново-мучное) сырьё. Традиционно высоким, по сравнению с другими народами, является потребление молока и молочной продукции. Сырьё животного происхождения (молоко и мясо) у нагайбаков стоит на второй и третьей позициях. В системе питания казахов значительную часть занимает пища из сырья животного происхождения, нередко в сочетании с хлебно-зерновыми. Широко употребляются в пищу, как самостоятельные блюда, изделия из мясного и молочного сырья. Кулинарные заимствования, бывшие когда-то

инновациями, становятся настолько привычными, что воспринимаются часто как традиция и даже без этнической коннотации. Подобные заимствования включают также блюда среднеазиатского, кавказского и других регионов мира.

Поскольку инновации быстро становятся традициями, то этнические различия в системах питания в современных условиях следует искать не столько в номенклатуре блюд, сколько в соотношениях потребляемой массы пищи животного и растительного происхождений, предпочтительных способах термической и ферментационной обработки пищевого сырья. Здесь просматривается зако-номерность, сложившаяся давно и отличающая системы питания кочевников-скотоводов и оседлых земледельцев – казахов и русских соответственно. Система питания нагайбаков занимает промежуточное положение.

Все респонденты, независимо от этнической принадлежности, знакомы с устным и музыкальным фольклором. Нагайбакам хорошо известны на-гайбакские сказки, а песен на родном языке в семьях знают примерно столько же, сколько на русском. Казахи – народ богатой песенной культуры. Во многих домах имеются музыкальные инструменты. Песни на казахском языке по популярности превосходят русские. Во всех семьях, независимо от этнической принадлежности, знают произведения русского фольклора.

Заслуживает внимания рейтинг наиболее авторитетных исторических персонажей. Практически у всех народов лидерами в этой номинации стали представители политической элиты Российской империи, СССР и современной России, выдающиеся военачальники всех времён и некоторые местные общественные деятели – А. Невский, Пётр I, А.В. Суворов, В.И. Ленин, И.В. Сталин, Г.К. Жуков, Ю.А. Гагарин и т.д. Именно в этой номинации у представителей всех трёх народов этнические предпочтения проявились менее всего. Среди этнических лидеров в ответах нагайбаков лидирует А.М. Маметьев – ветеран Великой Отечественной войны и активный участник возрождения нагайбакской идентичности в 1990 гг. Высокие позиции занимают некоторые авторитетные родственники респондентов. Среди персон, часто упоминаемых казахами, представители казахского народа – Ч. Валиханов, А. Кунанбаев, Н.А. Назарбаев и др. Небольшая доля ответов по всем трём народам отдаёт предпочтение классикам русской и советской литературы. Хотя ещё около десяти лет назад «Пушкин опережал Ленина и Гагарина» [Головнёв 2013, с. 7].

Представление о параметрах собственной этнической идентичности определяет мнение респондентов о близких по культуре народах. Для русских это белорусы (80 %) и украинцы (75 %). Из неславянских народов были отмечены мордва (16 %) и нагайбаки (10 %). Единично были даны следующие ответы: все русскоязычные, все народы бывшего СССР, все славяне. В представлении нагайбаков лидерство в близости к ним принадлежит татарам (42 %) и русским (35 %). С первыми нагайбаки видят общность языковую и культурную. С русскими нагайбаков сближает, в первую очередь, религиозная принадлежность. Из прочих близких по культуре народов в представлении нагайбаков доминируют тюркоязычные – кряшены, башкиры, казахи, чуваш

и узбеки. Единично была отмечена культурная близость нагайбаков со всеми тюркоязычными народами мира. Казахи близкими себе по культуре считают татар (75 %) и башкир (60 %). Кроме языкового родства и общей религиозной принадлежности эти три народа имеют длительный опыт взаимодействий, а также общие исторические судьбы, связанные с генезисом их этничности и культуры в золотоордынский период. На исследуемой территории проживают казахи Среднего и Младшего Жузов, в основном родоплеменных объединений «кыпшак» и «жагалбайлы». Генезис их, особенно жагалбайлы, во многом связан с выходцами из Ногайской Орды, а язык, относящийся вместе с татарским и башкирским к ногайской ветви, с двумя последними сближается в наибольшей степени. Опросы казахов проводились, в том числе, в п. Редутово среди населения, проживающего совместно с татарами – бывшими казаками Оренбургского войска. Среди остальных близких народов были названы единично: киргизы, узбеки, все мусульманские и тюркские народы.

Русские, нагайбаки и казахи за примерно два столетия совместного проживания в условиях зауральской степи, с одной стороны, сохранили основные этнические черты, с другой – при экономическом и культурном взаимодействии выработали локальную модель хозяйственно-культурного комплекса, в котором сочетаются черты оседло-земледельческого и кочевническо-скотоводческого типов. Перешедшие на оседлость казахи сохранили скотоводческую основу хозяйства и усвоили земледельческие виды – огородничество и садоводство. Это заметно трансформировало всю систему жизнеобеспечения народа. Адаптировавшись в аридных условиях, русские и нагайбаки модифицировали тип пашенного земледелия за счёт увеличения доли яровой пшеницы и увеличения стада за счёт лошадей и мелкого рогатого скота, усвоили такой способ зимнего выпаса скота у кочевников, как тебенёвка. Особенно увеличение животноводческого сектора было характерно для нагайбаков, которые иногда сдавали стадо в аренду казахам. Сочетание восточно-европейских оседло-земледельческих и степных скотоводческих черт хозяйства для них было характерно более всего. К началу XX в. хозяйственно-культурные типы русских, нагайбаков, татар и казахов Юго-Восточного Приуралья сформировались в оригинальный локальный экономический комплекс, сочетающий русские, нагайбакско-татарские и казахские черты.

Таков краткий сюжет одного из эпизодов длительной истории славяно-тюркских контактов. Русская колонизация Юго-Восточного Приуралья являлась продолжением восточно-славянского миграционного процесса континентального масштаба, начавшегося ещё в XIII в. Южная граница – степной этнополитический фронт этого многоактного действия на сцене этнической истории внутренней Евразии с середины XVI в. стал выступать в качестве первого плана. Восточный вектор русской внешней политики, начало которому было положено Иоанном IV Грозным, на долгое время стал стратегическим и принципиально изменил этнополитическую карту значительной части континента. В Южное Приуралье русские пришли, уже имея многовековой опыт

взаимодействий с тюркским миром. К XVIII в. на государственной службе состояли представители тюркских элит. Одним из «птенцов гнезда Петрова» был выходец из татарской знати А.И. Тевкелев. Присоединение Южного Приуралья и признание лояльности русским властям со стороны хана Абулхаира и казахов Младшего жуза состоялись благодаря его дипломатическому таланту [Рычков 1896, с. 5-7, 9-10, 18-24, 28-31, 35-38, 42-49, 72-80, 84-87, 90-92]. Социальными продуктами славяно-тюркских контактов стало появление в Среднем Поволжье и Приуралье множества новых, не существовавших в бывшем Казанском ханстве, идентичностей. Нагайбаки, чья почти трёхсотлетняя история проходила между славянами и тюрками, благодаря нескольким масштабным государственным акциям, ставшим, по сути, катализаторами динамики их идентичности, прошли путь от сословия крещёных татар Уфимской провинции до народа с комплексом этнодифференцирующих признаков. Формирование современной этнической композиции Юго-Восточного Приуралья с определяющими её своеобразие культурными чертами, а также нагайбакской идентичности произошло благодаря реализации государственных проектов по освоению этой территории. Рождение феномена нагайбакской идентичности в XVIII в. стало одним из результатов воздействий государства на местную неславянскую среду, с другой стороны сами нагайбаки на протяжении XIX в. сыграли ключевую роль в интенсификации этого процесса. Казахи, после тюрков Поволжья, Приуралья и Западной Сибири, стали следующей, вошедшей в зарождающуюся континентальную империю крупной частью населения, ушедшей в историческое прошлое другой евразийской империи – Улуса Джучи. Родоплеменные объединения Младшего и Среднего Жузов стали локомотивами в деле интеграции самого крупного степного народа в евразийское этнокультурное и политическое пространство, к которому их потомки – наши современники, по мнению автора статьи, себя вполне относят.

ЛИТЕРАТУРА

Атнагулов 2018 – *Атнагулов И.Р.* Этническая история нагайбаков в XVIII – XXI веках: становление и трансформация идентичностей. Челябинск: Абрис, 2018. 436 с.

Головнёв 2013 – *Головнёв А.В.* Уральские этнодиалоги // Уральский исторический вестник. 2013. № 2(39). С. 4-15.

Джунджузов, Любичанковский 2019 – *Джунджузов С.В., Любичанковский С.В.* Оренбургские и уральские калмыки в условиях перехода от имперской политики аккультурации к советской национальной политике // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. С. 128-136.

Зубков, Побережников 2023 – *Зубков К.И., Побережников И.В.* Восточный фронт русской колонизации в контексте модернизационной динамики // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 233-261.

История 2019 – История и культура татар-кряшен (XVI-XX вв.). Отв. ред. Р.С. Хакимов. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 960 с.

Кабузан 1990 – Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М.: Наука, 1990. 256 с.

Первая 1904 – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XXVIII. Оренбургская губерния. Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб: Издание центрального статистического комитета министерства внутренних дел. Тип. «Т-ва Художественной Печати», 1904. 173 с.

Правила 1843 – Правила о переселении казаков упразднённого Ставропольского калмыцкого войска, белопахотных солдат и солдатских малолетков. СПб.: Тип. Департамента Военных Поселений, 1843. 47 с.

Рычков 1896 – Рычков П.И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург: Изд. Оренбургского Губернского Статистического Комитета, 1896. 93 с.

Садиков 2016 – Садиков Р.Р. Финно-угорские народы Республики Башкортостан (История, культура, демография). Уфа: ООО «Первая типография», 2016. – 276 с.

Список 1926 – Список населённых пунктов Башреспублики. Составлен Башкирским Центральным Статистическим управлением. Уфа: Издание Башкниги, 1926. 191 с.

Список 1928а – Список населённых пунктов Уральской области. Т. II. Златоустовский округ. Под общ. рук. Плешкова и М.П. Антонова. Свердловск: Издание Орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и Окружных Исполкомов, 1928. 50 с.

Список 1928б – Список населённых пунктов Уральской области. Т. XIII. Троицкий округ. Под общ. рук. Плешкова и М.П. Антонова. Свердловск: Издание Орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и Окружных Исполкомов, 1928. 86 с.

Список 1928в – Список населённых пунктов Уральской области. Т. XV. Челябинский округ. Под общ. рук. Плешкова и М.П. Антонова. Свердловск: Издание Орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и Окружных исполкомов, 1928. 88 с.

Ягафова 2007 – Ягафова. Е.А. Исламизация чувашей в Урало-Поволжье в XVIII – начале XX в. // Этнографическое обозрение, 2007, № 4. С. 101-117.

Якупов 2001 – Якупов Р.И. Тептяри: историко-этнологические очерки. К проблеме генезиса этничности. – М.: Старый сад, 2001. 270 с.

REFERENCES:

Atnagulov, I.R. (2018), *Etnicheskaya istoriya nagaybakov v XVIII – XXI vyekakh: stanovleniye i transformatsiya idyentichnostey* [Ethnic history of nagaybaks in the XVIII-XXI centuries: formation and transformation of identities], Abris, Chelyabinsk, Russia.

Dzhundzhuzov, S.V. and Lyubichankoskiy, S.V. (2019), “Orenburg and Ural Kalmyks in the context of the transition from the Imperial policy of acculturation to the Soviet national policy”, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 439, pp. 128-136.

Golovnev, A.V. (2013), “Ural ethno-dialogues”, *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, no. 2(31), pp.40-49.

Istoriya i kultura tatar-kryashen (2019), [History and culture of tatars-kryashens], ed. R.S. Khakimov, Kazan, Russia.

Kabuzan, V.M. (1990), *Narody Rossii v XVIII veke. Chislennost' i etnicheskii sostav* [The peoples of Russia in the XVIII century. Number and ethnic composition], Nauka, Moscow, USSR.

Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy Imperii, 1897 g. T. XVIII. Orenburgskaya guberniya (1904), [The first general population census of the Russian Empire, 1897, vol. XXVIII. Orenburg province], ed. N.A. Troynitskiy, Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, S.-Petersburg, Russia.

Pravila o pereselenii kazakov uprazhnenogo Stavropol'skogo Kalmytskogo voyska, belopakhotnykh soldat i soldatskikh maloletkov (1843), [Rules on the resettlement of Cossacks of the abolished Stavropol Kalmyk army, white-ploughed soldiers and young soldiers], Department of Military Settlements, S.-Petersburg, Russia.

Rychkov, P.I. (1896), *Istoriya Orenburgskaya* [History of Orenburg], Orenburg Provincial Statistical Committee, Orenburg, Russia.

Sadikov, R.R., *Finnougorskiye narody Respubliki Bashkortostan (Istoriya, kul'tura, demografiya)* [Finnish-ugric peoples of Republic of Bashkortostan], Pervaya tipografiya, Ufa, Russia.

Spisok naselennykh punktov Bashrespubliki. Sostavlenn Bashkirskim Tsentral'nym statisticheskim upravleniyem (1926), [List of settlements in the Republic of Bashkortostan. Compiled by the Bashkir Central Statistical Office], Bashkniga, Ufa, USSR.

Spisok naselennukh punktov Ural'skoy oblasti. T. II. Zlatoustovskiy okrug (1928), [List of settlements in the Ural region. Vol. II. Zlatoust district], Uralispolkom, Uralstatupravleniye, Sverdlovsk, USSR.

Spisok naselennukh punktov Ural'skoy oblasti. T. XIII. Troitskiy okrug (1928), [List of settlements in the Ural region. Vol. XIII. Troitsk district], Uralispolkom, Uralstatupravleniye, Sverdlovsk, USSR.

Spisok naselennukh punktov Ural'skoy oblasti. T. XV. Chelyabinskiy okrug (1928), [List of settlements in the Ural region. Vol. XV. Chelyabinsk district], Uralispolkom, Uralstatupravleniye, Sverdlovsk, USSR.

Yagafova, Y.A. (2007), “Islamization of the Chuvash in the Ural-Volga region in the XVIII – early XX centuries”, *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 101-117.

Yakupov, R.I. (2001), *Teptyari: istoriko-etnologicheskiye ocherki. K probleme genezisa etnichnosti* [Teptyars: historical and ethnological essays. On the problem of the genesis of ethnicity], Stary sad, Moscow, Russia.

Zubkov, K.I. and Poberezhnikov, I.V. (2023), “Eastern Frontier of the Russian Colonization in the Context of Modernization Dynamics”, *Eurasian Yearbook*, no. 1, pp. 233–261.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ирек Р. Атнагулов, доктор исторических наук, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН; 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16; *i.atnagulov@mail.ru*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irek R. Atnagulov, Doct. Of Sci. (History), Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 620990, Russia, Yekaterinburg, Sophia Kovalevskaya Street, bld. 16; *i.atnagulov@mail.ru*